

Максим Алексеевич Горький

Егор Булычов и другие

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
М17

М17 **Максим Алексеевич Горький**
Егор Булычев и другие / Максим Алексеевич Горький – М.: Книга по Требованию, 2012. – 40 с.

ISBN 978-5-4241-2694-9

Пьесу “Егор Булычев” поставили театр имени Евг. Вахтангова и Большой драматический театр в 1932 г., ее появление вызвало большой интерес, стало большим событием в литературе и в театральном мире. Прочитав эту пьесу, А. Н. Толстой написал Горькому: “Изумительно, что пройдя такой путь, Вы подошли к такому свежему и молодому искусству”. А. Н. Афиногенов утверждал: “Мы отвыкли видеть на сцене борьбу и страсти подлинной жизни. “Егор Булычев” обрушился лавиной людских характеров, столкнутых в яростной борьбе вокруг собственности и смерти. “Булычев” — это “вечная проблема смерти”. “Давно не читал пьесы такой пленительной, — писал Горькому В.И. Немирович-Данченко. — Право, точно Вам только что стукнуло 32 года! До того свежи краски”. А К. С. Станиславский заявлял: “В этой пьесе я вижу лучший предлог для того, чтобы раскрыть свое отношение к театру и современности”.

ISBN 978-5-4241-2694-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Горький Максим
Егор Булычов и другие

А.М.Горький

Егор Булычов и другие

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Е г о р Б у л ы ч о в.

К с е н и я - его жена.

В а р в а р а - дочь от Ксении.

А л е к с а н д р а - побочная дочь.

М е л а н и я - игуменья, сестра жены.

З в о н ц о в - муж Варвары.

Т ь я т и н - его двоюродный брат.

М о к е й Б а ш к и н.

В а с и л и й Д о с т и г а е в.

Е л и з а в е т а - жена его.

А н т о н и н а |

А л е к с е й | - дети от первой жены

П а в л и н - поп.

Д о к т о р.

Т р у б а ч.

З о б у н о в а - знахарка.

П р о п о т е й - блаженный.

Г л а ф и р а - горничная.

Т а и с ь я - служанка Мелании.

М о к р о с о в - полицейский.

Я к о в Л а п т е в - крестник Булычова.

Д о н а т - лесник.

ПЕРВЫЙ АКТ

Столовая в богатом купеческом доме. Тяжёлая громоздкая мебель. Широкий кожаный диван, рядом с ним - лестница во второй этаж. В правом углу фонарь (полукруглый, треугольный или многогранный остеклённый выступ в стене здания на высоту одного, двух и более этажей - Ред.), выход в сад. Яркий зимний день. К с е н и я , сидя у стола, моет чайную посуду. Г л а ф и р а , в фонаре, возится с цветами. Входит А л е к с а н д р а , в халате, в туфлях на босую ногу, непричёсанная, волосы рыжие, как и у Егора Булычова.

К с е н и я . Ох, Шурка, спишь ты...

Ш у р а . Не шипите, не поможет. Глаша - кофе! А где газета?

Г л а ф и р а . Варваре Егоровне наверх подала.

Ш у р а . Принеси. На весь дом одну газету выписывают, черти!

К с е н и я . Это кто - черти?

Ш у р а . Папа дома?

К с е н и я . К раненым поехал. Черти-то - Звонцовы?

Ш у р а . Да, они. (У телефона.) Семнадцать - шестьдесят три.

К с е н и я . Вот я скажу Звонцовым-то, как ты их честишь!

Ш у р а . Позовите Тоню!

К с е н и я . До чего ты дойдёшь?

Ш у р а . Это ты, Антонина? На лыжах едем? Нет? Почему? Спектакль? Откажись! Эх ты, - незаконная вдова!.. Ну, хорошо.

К с е н и я . Как же это ты девушку-то вдовой зовёшь?

Ш у р а. Жених у неё помер или нет?
К с е н и я. Всё-таки она - девушка.
Ш у р а. А вы почему знаете?
К с е н и я. Фу, бесстыдница!
Г л а ф и р а (подаёт кофе). Газету Варвара Егоровна сама принесёт.
К с е н и я. Больно много ты знаешь для твоих лет. Гляди: меньше знаешь - крепче спишь. Я в твои годы ничего не знала...
Ш у р а. Вы и теперь...
К с е н и я. Тыфу тебе!
Ш у р а. Вот сестрица шествует важно. Бонжур, мадам! Комман са ва? (Как дела (франц.) - Ред.)
В а р в а р а. Уже одиннадцать, а ты не одета, не причёсана...
Ш у р а. Начинается.
В а р в а р а. Ты всё более нахально пользуешься тем, что отец балует тебя... и что он нездоров...
Ш у р а. Это ты - надолго?
К с е н и я. А что ей отцово здоровье?
В а р в а р а. Я должна буду рассказать ему о твоём поведении...
Ш у р а. Заранее благодарна. Кончилось?
В а р в а р а. Ты - дура!
Ш у р а. Не верю! Это не я - дура.
В а р в а р а. Рыжая дура!
Ш у р а. Варвара Егоровна, вы совершенно бесполезно тратите энергию.
К с е н и я. Вот и учи её!
Ш у р а. И у вас портится характер.
В а р в а р а. Хорошо... хорошо, милая! Мамаша, пойдёмте-ка в кухню, там повар капризничает...
К с е н и я. Он - не в себе, у него сына убили.
В а р в а р а. Ну, это не резон для капризов. Теперь столько убивают... (Ушли.)
Ш у р а. А если бы у неё красавца Андрюшу ухлопали, вот бы взвилась!
Г л а ф и р а. Зря вы дразните их. Пейте скорее, мне здесь убирать надо. (Ушла, унося самовар.)
(Шура сидит, откинувшись на спинку стула, закрыв глаза, руки - на затылке рыжей, лохматой головы.)
З в о н ц о в (с лестницы, в туфлях, подкрался к ней, обнял сзади). О чём замечталась, рыжая коза?
Ш у р а (не открывая глаз, не шевелясь). Не трогайте меня.
З в о н ц о в. Почему? Ведь тебе приятно? Скажи - да? Приятно?
Ш у р а. Нет.
З в о н ц о в. Почему?
Ш у р а. Оставьте. Вы - притворяетесь. Я вам не нравлюсь.
З в о н ц о в. А хочешь нравиться, да?
(На лестнице - Варвара.)
Ш у р а. Если Варвара узнает...
З в о н ц о в. Тише... (Отошёл, говорит поучительно.) Н-да... Следует взять себя в руки. Надобно учиться...

В а р в а р а. Она предпочитает говорить дерзости и пускать мыльные пузыри с Антониной...

Ш у р а. Ну и пускаю. Люблю пускать пузыри. Что тебе - мыла жалко?

В а р в а р а. Мне жалко - тебя. Я не знаю - как ты будешь жить? Из гимназии тебя попросили удалиться...

Ш у р а. Неправда.

В а р в а р а. Твоя подруга - полоумная.

З в о н ц о в. Она хочет музыке учиться.

В а р в а р а. Кто?

З в о н ц о в. Шура.

Ш у р а. Неправда. Я не хочу учиться музыке.

В а р в а р а. Откуда же ты это взял?

З в о н ц о в. Разве ты, Шура, не говорила, что хочешь?

Ш у р а (уходя). Никогда не говорила.

З в о н ц о в. Гм... Странно. Не сам же я выдумал это! Ты, Варя, очень сердито с ней...

В а р в а р а. А ты слишком ласков.

З в о н ц о в. Что значит - слишком? Ты же знаешь мой план...

В а р в а р а. План - это план, но мне кажется, что ты подозрительно ласков.

З в о н ц о в. Глупости у тебя в голове...

В а р в а р а. Да? Глупости?

З в о н ц о в. Сообрази сама: уместны ли в такое серьезнейшее время сцены ревности?

В а р в а р а. Ты зачем сюда спустился?

З в о н ц о в. Я? Тут... объявление одно в газете. И лесник приехал, говорит: мужики медведя обложили.

В а р в а р а. Донат - в кухне. Объявление - о чём?

З в о н ц о в. Это, наконец, возмутительно! Как ты говоришь со мной? Что я - мальчишка? Чёрт знает...

В а р в а р а. Не кипятись! Кажется - отец приехал. А ты в таком виде.

(Звонцов поспешно идёт вверх, Варвара - встречать отца. Шура в зелёной тёплой кофте и в зелёном колпаке бежит к телефону, её перехватил и молча прижал к себе Булычов, за ним идёт поп Павлин, в лиловой рясе.)

Б у л ы ч о в (сел к столу, обняв Шуру за талию, она гладит его медные, с проседью, волосы). Народа перепортили столько, что страшно глядеть...

П а в л и н. Цветёте, Шурочка? Простите, не поздоровался...

Ш у р а. Это я должна была сделать, отец Павлин, но папа схватил меня, как медведь...

Б у л ы ч о в. Стой! Шурка, смирно! Куда теперь этот народ? А бесполезных людей у нас и до войны многовато было. Зря влезли в эту войну...

П а в л и н (вздыхнув). Соображения высшей власти...

Б у л ы ч о в. С японцами тоже плохо сообразили, и получился всемирный стыд...

П а в л и н. Однако войны не токмо разоряют, но и обогащают как опытом, так равно и...

Б у л ы ч о в. Одни - воюют, другие - воруют.

П а в л и н. К тому же ничто в мире не совершается помимо воли божией, и -

что значит ропот наш?

Б у л ы ч о в. Ты, Павлин Савельев, брось проповеди... Шурок, ты на лыжах бежать собралась?

Ш у р а. Да, Антонину жду.

Б у л ы ч о в. Ну... ладно! Не уйдёшь, так я тебя - минут через пяток - позову.

(Шура убежала.)

П а в л и н. Выровнялась как отроковица...

Б у л ы ч о в. Телом - хороша, ловкая, а лицом - не удалась. Мать у неё некрасива была. Умная, как чёрт, а некрасива.

П а в л и н. Лицо у Александры Егоровны... своеобразное... и... не лишено привлекательности. Родительница - откуда родом?

Б у л ы ч о в. Сибирячка. Ты говоришь - высшая власть... от бога... и всё такое, ну а Дума то - как? Откуда?

П а в л и н. Дума, это... так сказать - допущение самой власти к умалению её. Многие полагают, что даже - роковая ошибка, но священно-церковно-служителю не подобает входить в рассуждение о сих материях. К тому же в наши дни на духовенство возложена обязанность воспламенять дух бодрости... и углублять любовь к престолу, к отечеству...

Б у л ы ч о в. Воспламенили дух да в лужу и - бух...

П а в л и н. Как известно вам - убедил я старосту храма моего расширить хор певчих, а также беседовал с генералом Бетлингом о пожертвовании на колокол новостроящегося храма во имя небесного предстателя вашего, Егория...

Б у л ы ч о в. Не дал на колокол?

П а в л и н. Отказал и даже неприятно пошутил: "Медь говорит, даже в полковых оркестрах - не люблю!" Вот вам бы на колокол-то хорошо пожертвовать по причине вашего недомогания?

Б у л ы ч о в (вставая). Колокольным звоном болезни не лечат.

П а в л и н. Как знать? Науке причины болезней неведомы. В некоторых санаториях иностранных музыкой лечат, слышал я. Тоже и у нас существует пожарный, он игрой на трубе пользуется...

Б у л ы ч о в (усмехаясь). На какой трубе?

П а в л и н. На медной. Говорят, весьма большая труба!

Б у л ы ч о в. Ну, если - большая... Вылечивает?

П а в л и н. Будто бы успешно! Всё может быть, высокопочтеннейший Егор Васильевич! Всё может быть. В тайнах живём, во мраке многочисленных и неразрешимых тайн. Кажется нам, что - светло и свет сей исходит от разума нашего, а ведь светло-то лишь для телесного зрения, дух же, может быть, разумом только затемняется и даже - угашается.

Б у л ы ч о в (вздыхая). Эко слов-то у тебя сколько...

П а в л и н (всё более воодушевлённо). Возьмите, примерно, блаженного Прокопия, в какой радости живёт сей муж, дурачком именуемый невегласами...

Б у л ы ч о в. Ну, ты опять, тово... проповедуешь! Прощай-ко. Устал я.

П а в л и н. Сердечно желаю доброго здоровья. Молитвенник ваш... (Уходит.)

Б у л ы ч о в (щупая правый бок, подошёл к дивану, ворчит). Боров. Нажрался тела-крови Христовой... Глафира!.. Эй...

В а р в а р а. Вы что?
Б у л ы ч о в. Ничего. Глафиру звал. Эх ты вырядилась! Куда это?
В а р в а р а. На спектакль для выздоравливающих...
Б у л ы ч о в. И стёклышки на носу? Врёшь, что глаза требуют, для моды но-
сишь...
В а р в а р а. Папаша, вы бы поговорили с Александрой, она ведёт себя отча-
янно, становится совершенно невыносимой.
Б у л ы ч о в. Все вы - хороши! Иди! (Бормочет.) Невыносимы. Вот я... выздо-
ровлю, я вас... вынесу!
Г л а ф и р а. Звали?
Б у л ы ч о в. Звал. Эх, Глаха, до чего ты хороша! Здоровая! Калёная! А Вар-
вара у меня - выдра!
Г л а ф и р а (заглядывая на лестницу). Её счастье. Будь она красивой, вы бы
и её на постелю себе втащили.
Б у л ы ч о в. Дочь-то? Опомнись, дура! Что говоришь?
Г л а ф и р а. Я знаю - что! Шуру-то тискаете, как чужую... как солдат!
Б у л ы ч о в (изумлён). Да ты, Глафира, рехнулась! Ты что: к дочери ревнуешь?
Ты о Шурке не смея эдак думать. Как солдат... Как чужую! А ты бывала у солдат
в руках? Ну?
Г л а ф и р а. Не к месту... не ко времени разговоры эти. Зачем звали?
Б у л ы ч о в. Д о н а т а пошли. Стой! Дай-ко руку. Любишь всё-таки? И хво-
рого?
Г л а ф и р а (припадая к нему). Горе ты моё... Да - не хворай ты! Не хворай...
(Оторвалась, убежала.)
(Бульчов муро улыбается, облизывает губы. Качает головой. Лёт.)
Д о н а т. Доброго здоровья, Егор Васильевич!
Б у л ы ч о в. Спасибо. С чем прибыл?
Д о н а т. С хорошим: медведя обложили.
Б у л ы ч о в (вздыхнув). Ну, это... для зависти, а не для радости. Мне теперь
медведь - не забава. Лес-то рубят?
Д о н а т. Помаленьку. Людей нет.
(Входит Ксения. Нарядная, руки в кольцах.)
Б у л ы ч о в. Ты что?
К с е н и я. Ничего. Ты бы, Егорий, не соблазнялся медведем-то, куда уж тебе
охотиться.
Б у л ы ч о в. Помолчи. Нет людей?
Д о н а т. Старики да мальчишки остались. Князю полсотни пленных дали,
так они в лесу не могут работать.
Б у л ы ч о в. Они поди-ко с бабами работают.
Д о н а т. Это - есть.
Б у л ы ч о в. Да... Баба теперь голодная.
К с е н и я. Слышно - большой разврат пошёл по деревням...
Д о н а т. Почему разврат, Аксиныя Яковлевна? Мужиков - перебили, детей-
то надобно родить? Выходит так: кто перебил, тот и народи...
Б у л ы ч о в. Похоже...
К с е н и я. Ну уж, какие дети от пленных! Хотя, конечно, ежели мужчина
здоровый...

Б у л ы ч о в. А баба - дура, так ему от этой бабы детей иметь неохота.
К с е н и я. У нас бабы - умные. А здоровых-то мужиков всех на войну угнали,
дома остались одни... адвокаты.

Б у л ы ч о в. Народу перепорчено - много.
К с е н и я. Зато остальные богаче жить будут.

Б у л ы ч о в. Сообразила!
Д о н а т. Цари народом сыты не бывают.

Б у л ы ч о в. Как ты сказал?

Д о н а т. Не бывают, говорю, цари народом сыты. Своих кормить нечем, а всё
хотим ещё чужих завоевать.

Б у л ы ч о в. Верно. Это - верно!

Д о н а т. Нельзя иначе понять - для какого смысла воюем? И вот бьют нас, за
жадность.

Б у л ы ч о в. Правильно говоришь, Донат! Вот и Яков, крестник, тоже говорит:
"Жадность всему горю начало". Он - как там?

Д о н а т. Он - ничего. Умный он у вас.

К с е н и я. Нашел умника! Дерзкий он, а не умный.

Д о н а т. От ума и дерзок, Аксинья Яковлевна. Он там, Егорий Васильевич,
дезертиров подобрал человек десяток, поставил на работу, ничего - работают. А
то они воровством баловались.

Б у л ы ч о в. Н-ну, это... Мокроусов узнает - скандалить начнёт.

Д о н а т. Мокроусов - знает. Он даже рад. Ему - легче.

Б у л ы ч о в. Ну, смотри...

(Звонцов сходит сверху.)

Д о н а т. Медведя, значит...

Б у л ы ч о в. Медведь - твоё счастье.

З в о н ц о в. Разрешите предложить медведя Бетлингу! Вы знаете, он оказы-
вает нам...

Б у л ы ч о в. Знаю, знаю! Предлагай. А то - архиерею предложи!

К с е н и я (усмехаясь). Вот бы поглядеть, как архиерей в медведя стреляет.

Б у л ы ч о в. Ну, я устал. Прощай, Донат! А что-то нехорошо всё, братец мой,
а? Как я захворал, так и началось неладное...

(Донат молча поклонился, уходит.)

Б у л ы ч о в. Аксинья, Шурку пошли мне. Ты чего мнёшься, Андрей? Говори
сразу!

З в о н ц о в. Я по поводу Лаптева...

Б у л ы ч о в. Ну?

З в о н ц о в. Мне стало известно, что он связался с... неблагонадёжными
людьми и на ярмарке в Копосове говорил мужикам противуправительственные
речи.

Б у л ы ч о в. Брось! Ну какие теперь ярмарки? Какие мужики? И что вы все
на Якова жалуетесь?

З в о н ц о в. Но ведь он как бы член нашей семьи...

(Шура вбегает.)

Б у л ы ч о в. Как бы... Не очень-то вы его... своим считаете. Он вот и обедать
по воскресеньям не приходит... Иди, Андрей... После расскажешь...

Ш у р а. На Якова ябедничал?

Б у л ы ч о в. Это - не твоё дело. Сядь сюда. На тебя тоже все жалуются.
Ш у р а. Кто - все?
Б у л ы ч о в. Аксинья, Варвара...
Ш у р а. Это ещё не все.
Б у л ы ч о в. Я серьёзно говорю, Шурёнок.
Ш у р а. Серьёзно ты говоришь - не так.
Б у л ы ч о в. Дерзкая ты со всеми, ничего не делаешь...
Ш у р а. Если ничего не делаю, так в чём же дерзкая?
Б у л ы ч о в. Не слушаешь никого.
Ш у р а. Всех слушаю. Тошно слушать, рыжий!
Б у л ы ч о в. Сама - рыжая, хуже меня. Вот и со мной говоришь... неладно!
Надобно тебя ругать, а не хочется.
Ш у р а. Не хочется, значит - не надо.
Б у л ы ч о в. Ишь ты! Не хочется - не надо. Эдак-то жить легко бы, да нельзя!

Ш у р а. А кто мешает?
Б у л ы ч о в. Всё... все мешают. Тебе этого не понять.
Ш у р а. А ты - научи, чтобы поняла, чтобы мне не мешали...
Б у л ы ч о в. Ну, этому... не научишь! Ты что, Аксинья? Что ты всё бродишь, чего ищешь?

К с е н и я. Доктор приехал, и Башкин ждёт. Лександра, оправь юбку, как ты сидишь?

Б у л ы ч о в (встаёт). Ну, зови доктора. Лежать мне вредно, тяжелею от лежания. Эх... Улепёгывай, Шурёнок! Ногу не вывихни, гляди!

Д о к т о р. Здравствуйте! Как мы себя чувствуем?

Б у л ы ч о в. Неважно. Плоховато лечишь, Нифонт Григорьевич.

Д о к т о р. Нуте-ко, пойдёмте к вам...

Б у л ы ч о в (идя рядом с ним). Ты давай мне самые злые, самые дорогие лекарства: мне, брат, обязательно выздороветь надо! Вылечишь больницу построю, старшим будешь в ней, делай что хочешь...

(Ушли. Ксения, Башкин.)

К с е н и я. Что сказал, доктор-то?

Б а ш к и н. Рак, говорит, рак в печёнке...

К с е н и я. Ух ты, господи! Что выдумают!

Б а ш к и н. Болезнь, говорит, опасная.

К с е н и я. Ну конечно! Всякий своё дело самым трудным считает.

Б а ш к и н. Не во время захворал! Кругом деньги падают, как из худого кармана, нищие тысячниками становятся, а он...

К с е н и я. Да, да! Так богатеют люди, так богатеют!

Б а ш к и н. Достигаев до того растучнел, что весь незастёгнутый ходит, а говорить может только тысячами. А у Егора Васильевича вроде затмения ума начинается. Намедни говорит: "Жил, говорит, я мимо настоящего дела". Что это значит?

К с е н и я. Ох, и я замечаю - нехорошо он говорит!

Б а ш к и н. А ведь он на твоём с сестрой капитале жить начал. Должен бы приумножать.

К с е н и я. Ошиблась я, Мокей, давно знаю - ошиблась, Вышла замуж за

приказчика, да не за того. Кабы за тебя вышла - как спокойно жили бы! А он... Господи! Какой озорник! Чего я от него не терпела. Дочь прижил на стороне да посадил на мою шею. Зятя выбрал... из плохих - похуже. Боюсь я, Мокей Петрович, обойдут, облапошат меня зять с Варварой, пустят по миру...

Б а ш к и н. Всё возможно. Война! На войне - ни стыда, ни жалости.

К с е н и я. Ты - старый наш слуга, тебя батюшка мой на ноги поставил, ты обо мне подумай...

Б а ш к и н. Я и думаю...

(Звонцов идёт.)

З в о н ц о в. Что, доктор - ушёл?

К с е н и я. Там ещё.

З в о н ц о в. Мокей Петрович, как - сукно?

Б а ш к и н. Не принимает Бетлинг.

З в о н ц о в. А сколько надобно дать ему?

Б а ш к и н. Тысяч... пяток, не меньше.

К с е н и я. Экий грабитель! А ведь старик!

З в о н ц о в. Через Жанну?

Б а ш к и н. Да уж как установлено.

К с е н и я. Пять тысяч! За что? А?

З в о н ц о в. Теперь деньги дешёвы.

К с е н и я. В чужом-то кармане...

З в о н ц о в. Тесть согласен?

Б а ш к и н. Вот, я пришёл узнать, согласен ли.

Д о к т о р (вышел - берёт Звонцова под руку). Ну-с, вот что...

К с е н и я. Ох, порадуйте нас...

Д о к т о р. Больной должен лежать возможно больше. Всякие дела, волнения, раздражения - крайне вредны для него. Покой и покой! Затем... (Шепчет Звонцову.)

К с е н и я. А мне почему нельзя сказать? Я - жена.

Д о к т о р. О некоторых вещах с дамами говорить неудобно. (Снова шепчет.)

Сегодня же вечером и устроим.

К с е н и я. Что это вы устроите?

Д о к т о р. Консилиум, совет докторов.

К с е н и я. Ба-атюшки...

Д о к т о р. Это - не страшно. Ну-с, до свидания! (Уходит.)

К с е н и я. Строгий какой... Туда же! За пять минут пять целковых берёт.

Шестьдесят рублей в час... вот как!

З в о н ц о в. Он говорит - операция нужна...

К с е н и я. Резать? Ну, уж это - нет! Нет, уж резать я не позволяю...

З в о н ц о в. Послушайте, это - невежественно! Хирургия, наука...

К с е н и я. Плевать мне на твою науку! Вот тебе! Ты тоже невежливо говоришь со мной.

З в о н ц о в. Я говорю не о приличиях, а о вашей темноте...

К с е н и я. Сам не больно светел!

(Звонцов, махнув рукой, отошёл прочь. Глафира бежит.)

К с е н и я. Куда?

Г л а ф и р а. Звонок из спальни...